

К ВОПРОСУ О ПЕРЕВОДЕ НАЦИОНАЛЬНО-СПЕЦИФИЧНОЙ ЛЕКСИКИ (НА МАТЕРИАЛЕ ПЕРЕВОДА ЛИНГВОКУЛЬТУРЕМ РЕЛИГИОЗНОГО ХАРАКТЕРА В РОМАНЕ В. СКОТТА «THE HEART OF MID-LOTHIAN»)

Мирзоева Л.Ю.

д.ф.н., доцент

Университет им. Сулеймана Демиреля, г. Алматы, Казахстан

mirzoeva@list.ru

Как указывает В.С. Виноградов, наиболее важный фактор перевода – это "передача смысловой информации текста. Все остальные ее виды и характеристики, функциональные, стилистические (эмоциональные), стилевые, социолокальные и т. п. – не могут быть переданы без воспроизведения смысловой информации, так как все остальное содержание компонентов сообщения наслаивается на смысловую информацию, извлекается из нее, подсказывается ею, трансформируется в образные ассоциации" [1, с. 19]. Поэтому особую актуальность приобретает воссоздание в переводе слов весьма специфичной тематической группы, соотносимой со сферой религии. На наш взгляд, перевод лексики этого рода представляет собой одну из проблем, решение которых связано с использованием в качестве теоретической основы понятий *лингвокультурема* и *концепт*. Акцентируем внимание на том, что данный вопрос детально разработан в казахстанском переводоведении; в частности, теоретико-методологической основой воссоздания данного специфичного класса слов в переводе с английского языка на русский могут послужить принципы, отраженные в работе Ж.Т. Балмагамбетовой [2]:

- принцип определения характера и места культурного компонента в содержательной структуре лингвокультуремы;
- принцип выявления связи лингвокультурем с глубинными архетипическими представлениями этноса, отраженными в концептах;
- принцип резистивной стратегии перевода, векторная направленность которой позволит максимально полно отразить культурологическое пространство текста оригинала.

Понятие *лингвокультурема* рассматривается и в работах З.К. Ахметжановой [3], где приводится классификация лингвокультурем в зависимости от характера заложенной в них культурологической информации, от психологической обусловленности, от отношения к дихотомии языка и речи:

- лингвокультуремы, отражающие материально-фактологическую часть национального бытия;
- речеповеденческие лингвокультуремы;
- аксиологические лингвокультуремы.

Мы считаем, что в случае перевода лингвокультурем религиозного характера следует учесть специфику их семантики, которая включает в себе все вышеперечисленные факторы. Обратимся к конкретному материалу (роману В. Скотта «Эдинбургская темница», который в оригинале называется «The Heart of Mid-Lothian», перевод осуществлен З.Е. Александровой и С.П. Мирлиной), который подтверждает многоаспектность данных лексических единиц и особую сложность их воссоздания в переводе. В ряде случаев чужеродность данных реалий переводящему языку и – шире – переводящей культуре осознается как в плане когнитивном, так и в плане эмотивном. В связи с этим возрастает роль контекстуального окружения и переводческого комментария, который, наряду с семантической информацией, актуализирует в сознании реципиента соположенную, но не тождественную прагматическую информацию.

“But, neighbour,” said Saddletree, “ye’ll retain advocates for the puir lassie? it’s a thing maun

Но вы все-таки наймете защитника бедняжке? — спросил Сэдлтри. — Без этого нельзя.

needs be thought of."

"If there was ae man of them," answered Deans, "that held fast his integrity — but I ken them weel, they are a' carnal, crafty, and warld-hunting self-seekers, Yerastians, and Arminians, every ane o' them."

— Будь еще меж ними благочестивый человек, — сказал Динс. — А то сплошь стяжатели, вольнодумцы, эрастианцы, арминнианцы — знаю я их!

Отметим, что для того, чтобы русскоязычный читатель воспринял скрытую в выделенных названиях информацию, переводчикам приходится вводить слово *вольнодумцы*, аналога которому в данном фрагменте оригинального текста нет (мы видим здесь лишь негативно оценочные характеристики *carnal, crafty, and warld-hunting self-seekers*, связанные не столько с вольномыслием, сколько со стяжательством и приверженностью к плотским утехам, что соотносится с негативной частью оценочной шкалы в системе оценок персонажа). Именно данный концепт — *вольнодумство и вольномыслие* — актуализирует в сознании реципиента информацию, связанную со сферой религиозного культа. Если же воспринимать данную прагматическую информацию, весьма важную для процесса перевода, в более широком контексте, следует прежде всего опираться на образную структуру романа в целом. Герой, из уст которого исходят данные пейоративные квалификации, — суровый фанатик-пресвитерианин, дочь которого обвиняют в детоубийстве. Поэтому актуализация данного значения является необходимой для точного воссоздания системы оценок персонажа в переводе, т.к. в контексте, например, православной веры информативность анализируемых концептов крайне низка ввиду их принадлежности к разряду религиозных инокультурных реалий (Б.И. Репин).

В приводимом ниже контексте лингвокультуры, связанные с религией и отражающие конфессиональные различия, также выражают негативную оценку:

"Hout tout, neighbour, ye mauna take the warld at its word," said Saddletree; "the very deil is no sae ill as he's ca'd; and I ken mair than ae advocate that may be said to hae some integrity as weel as their neighbours; that is, after a sort o' fashion' o' their ain."

"It is indeed but a fashion of integrity that ye will find amang them," replied David Deans, "and a fashion of wisdom, and fashion of carnal learning — gazing, glancing-glasses they are, fit only to fling the glaiks in folk's een, wi' their pawky policy, and earthly ingine, their flights and refinements, and periods of eloquence, frae heathen emperors and popish canons. They canna, in that daft trash ye were reading to me, sae muckle as ca' men that are sae ill-starred as to be amang their hands, by ony name o' the dispensation o' grace, but maun new baptize them by the names of the accursed Titus, wha was made the instrument of burning the holy Temple, and other sic like heathens!"

"It's Tishius," interrupted Saddletree, "and no Titus. Mr. Crossmyloof cares as little about Titus or the Latin as ye do. — But it's a case of necessity — she maun hae counsel. Now, I could speak to Mr. Crossmyloof — he's weel

— Полноте, сосед! Не так страшен черт, как его малюют, — сказал Сэдлтри. — Есть и среди адвокатов люди почтенные, то есть не хуже других, и благочестивые на свой лад.

— Вот именно, что на свой лад, — ответил Динс. — А какой их лад? Безбожники они, вот что! Их дело — пускать людям пыль в глаза, да трещать, да звонить, да учиться красноречию у язычников-римлян да у каноников-папистов. Взять хоть эту чепуху, что вы мне прочли; неужто нельзя этих несчастных ответчиков, раз уж они попали в руки адвокатов, называть христианскими именами? Нет, надо было назвать их в честь проклятого Тита, который сжег храм Господен, и еще каких-то язычников.

— Да не Тит, — прервал Сэдлтри, — а Титиус. Зачем же Тит? Мистер Кроссмайлуф тоже недолюбливает Тита и латынь. Так как же все-таки насчет адвоката? Хотите, я поговорю с мистером Кроссмайлуфом? Он примерный пресвитерианин и к тому же церковный староста.

— Огьявленный эрастианец, — ответил Динс. — По уши погряз в мирской суете. Вот такие-то и помешали торжеству правого дела.

ken'd for a round-spun Presbyterian , and a ruling elder to boot."	
"He's a rank Yerastian ," replied Deans; "one of the public and polititious warldly-wise men that stude up to prevent ane general owning of the cause in the day of power!"	

Мы наблюдаем здесь прием, сходный с предшествующим: низкая информативность данной культовой лексики в языке-рецепторе побуждает интенсифицировать оценку за счет аксиологических сигналов, исходящих в переводе из контекстуального окружения при использовании компенсации особого рода (*He's a rank Yerastian* может быть воссоздано нейтральным *эрастианец высшей марки (высшего разряда)*; но для актуализации негативной оценки из уст персонажа и адекватного восприятия реципиента этого недостаточно. Поэтому в переводе можно отметить интенсификацию оценки за счет резко негативного *отъявленный эрастианец* (в русском языке нормативными сочетаниями будут *отъявленный мошенник, негодяй* и пр., т.е. негатив выведен за пределы чисто религиозной сферы, а также и литературного языка). Данная эмотивно-оценочная характеристика наделена также негативной стилистической квалификацией (четырёхтомный Словарь русского языка фиксирует ее разговорный характер).

Следует в то же время подчеркнуть, что лингвокультураемы этого рода, будучи связанными с архетипическими представлениями носителей английского языка, в то же время утратили свою актуальность и для них; таким образом, в основе возникновения переводческих трудностей лежит не только пространственная, лингвокультурная, но и временная система координат. Так, для современного англоязычного читателя романа вряд ли являются существенными следующие различия в рамках протестантизма, за которые герой романа готов в равной мере и положить свою жизнь, и пожертвовать жизнью своей дочери: эрастианство, эрастианская присяга — подчинение церкви государству согласно учению Томаса Эраста (1524-1583), что неприемлемо для фанатично верующего пуританина-камеронца Дэвида Динса. Отметим и случайное омонимическое совпадение с представленным в современной русскоязычной фантастике аналогичным отыменным образованием *эрастианец* (по имени мифического праведника Эрасти в романе В. Кампи «Кровь Заката»), что еще более усложняет картину и делает необходимым переводческий комментарий.

Переводческий комментарий (причем не затекстовый, а соотносимый непосредственно с переводимым фрагментом!) необходим и применительно к следующему контексту:

"What say ye to the auld Laird of Cuffabout?" said Saddletree; "he whiles thumps the dust out of a case gey and well."	— Ну, а старый лэрд Кафэбаут? — сказал Сэдлтри. — Он вам вмиг распутает самое трудное дело.
"He? the fause loon !" answered Deans — "he was in his bandaliers to hae joined the ungracious Highlanders in 1715, an they had ever had the luck to cross the Firth."	— Этот изменник ? — сказал Динс. — В тысяча семьсот пятнадцатом году он уже был готов примкнуть к горцам и только ждал, чтоб они переправились через Ферт.
"Weel, Arniston? there's a clever chield for ye!" said Bartoline, triumphantly.	— Ну, тогда Арнистон. Большой умница! — сказал Бартолайн, заранее торжествуя.
"Ay, to bring popish medals in till their very	— Тоже хорош! Навез себе папистских медалек от еретички , герцогини Гордон.
	— Надо ж, однако, кого-то выбрать. Что вы скажете о Китлпунте?
	— Арминианец .

library from that schismatic woman in the north, the Duchess of Gordon.” ¹	— Ну, а Вудсеттер?
“Weel, weel, but somebody ye maun hae —	— А этот кокцеянец .
What think ye o’ Kittlepunt?”	— А старый Уилливау?
“He’s an Arminian .”	— Этот ни то ни се.
“Woodsetter?”	— А молодой Неммо?
“He’s, I doubt, a Cocceian .”	— А этот вовсе ничто.
“Auld Whilliewhaw?”	
“He’s ony thing ye like.”	
“Young Naemmo?”	
“He’s naething at a’.”	

Поясним значения данных лингвокультурем. Так, **арминиа́нство** — направление в протестантском богословии, утверждающее решающую роль свободы воли в деле спасения. Название связано с именем голландского богослова Арминия, который выступил против кальвинистской идеи предопределения. Арминиа́нство существенно повлияло на формирование богословия баптистов. Естественно, герою В. Скотта не могло понравиться религиозное направление, в соответствии с которым существует *условное предопределение*, т.е. божественный промысел учитывает согласие людей (то есть вера является предметом выбора). **Кокцея́нец** — сторонник учения немецкого богослова Кокцеюса, в трудах которого проводятся мысли, весьма близкие к учению Кальвина. «Первым, кто провозгласил необходимость универсальной религиозной терпимости на основе отделения церкви от государства, был [Иоганн] Кокцеус [Cocceius, 1603–69, голландский кальвинистский богослов]» [5]. Следует обратить особое внимание и на диминутивное образование, появляющееся в переводе и выступающее в качестве негативной квалификации со значением презрения: *Навез себе папистских медалек от еретички*.

Без такого переводческого комментария, как нам представляется, культурологическое пространство текста не будет воссоздано в полной мере, т.к. все это, с одной стороны, служит средством создания своеобразного трагикомического эффекта (даже если реципиент не в полной мере воспринимает смысл данных характеристик, перевод в равной мере с оригиналом дает понятие о чрезмерной щепетильности героя в вопросах веры), с другой — в рамках приема конвергенции подготавливает нижеследующую оценку «из уст автора»:

“What, sir, wad ye speak to me,” exclaimed the sturdy Presbyterian in excessive wrath, “about a man that has the blood of the saints at his fingers’ ends? Did na his eme [Uncle] die and gang to his place wi’ the name of the Bluidy Mackenyie?”	— И слышать не хочу! — гневно вскричал суровый пресвитерианин . — Не его ли руки обагрены кровью мучеников? Не этот ли самый дядюшка так и сошел в могилу с прозвищем Кровавый Мак-Энни?
---	---

В подобном контексте вполне допустима модуляция, к которой прибегли переводчики: **sturdy Presbyterian** — не столько *суровый*, сколько *не идущий на компромиссы*; *непреклонный, несгибаемый, неуступчивый*, а также *крепкий, сильный*. Тем

не менее, именно характеристика **суровый пресвитерианин**, с ее оценочной амбивалентностью, может быть признана наиболее точной в данном случае, и именно она подготовлена всеми предшествующими лингвокультурами. Возникающий в переводе повтор лексемы **суровый** (которого нет в оригинале, т.к. там употреблены два разных по своему образному и оценочному потенциалу слова – *sturdy* и *stern*) оказывается при этом действенным языковым средством создания образа:

“I *am* patient,” returned the old man **sternly** — “more patient than any one who is alive to the woeful backslidings of a miserable time can be patient; and in so much, that I need neither **sectarians**, nor sons nor grandsons of **sectarians**, to instruct my grey hairs how to bear my cross.”

“But, sir,” continued Butler, taking no offence at the slur cast on his grandfather’s faith, “we must use human means. When you call in a physician, you would not, I suppose, question him on the nature of his religious principles!”

“Wad I *no*?” answered David — “but I wad, though; and if he didna satisfy me that he had a right sense of **the right hand and left hand defections of the day**, not a goutte of his physis should gang through my father’s son.”

— Это я-то нетерпелив? — **сурово** отозвался старик. — Можно ли быть терпеливее в наше злосчастное время? Я не позволю ни **еретикам**, ни детям их, ни внукам учить меня на старости лет, как мне нести мой крест.

— Но ведь тут дело мирское, — сказал Батлер, не обижаясь на этот выпад против его деда. — Приглашая врача к больному, мы не спрашиваем, во что он верует.

— Не спрашиваем? — сказал Динс. — А я бы спросил. И если бы оказалось, **что он не отличает правых ересей от левых**, я не принял бы ни капли его лекарства.

Один из негативно оценочных концептов, входящих картину мира персонажа — концепт *еретик (ересь)*. В переводе использованы данные унифицирующие лексемы с достаточно широкой семантикой, в то время как в оригинале им соответствуют более конкретные *sectarians*, *schismatic*, *defections*.

В свою очередь, речь и поведение персонажа, в картине мира которого компонент «вера» занимает ведущее место, оцениваются не только с позиции автора, но и в рамках картины мира иных персонажей романа; данная оценка получает точное и полное воссоздание в переводе:

“It’s thraving his daughter’s life awa,” said Saddletree to Butler, “to hear him speak in that daft gate. Where will he ever get a **Cameronian advocate**? Or wha ever heard of a lawyer’s **suffering either for ae religion or another**? The lassie’s life is clean flung awa.”

— Он губит дочь своим безумством, — сказал Сэдлтри Батлеру. — Где ж он найдет адвоката-камеронца? И где это слыхано, чтобы адвокат **потерпел за веру**? Так неужели же Эффи должна из-за этого погибать?

Таким образом, воссоздание в переводе лингвокультурем религиозного характера представляет собой одну из проблем в сфере художественного перевода, сложность которой очевидна. На наш взгляд, именно комплексный подход (учет контекстуального окружения, лингвокультурологической и аксиологической значимости лексики такого рода в сочетании с необходимым переводческим комментарием и использованием соответствующих

трансформаций с целью подбора функциональных аналогов, как это было показано выше) может быть наиболее продуктивным в ее решении.

Литература:

- 1 Виноградов В.С. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы). - М.: Изд. института общего среднего образования РАО, 2001
- 2 Балмагамбетова Ж.Т. Интегративно-концептологический аспект художественного перевода. Дисс. ... доктора филол. наук. - Караганда, 2010. - 274 с.
- 3 Ахметжанова З.К. О результатах выполнения проекта «Казахстан в глобальном межкультурном и языковом сообществе (2003-2005)» // Материалы научной конференции «Қазақстан Республикасы ғаламдық мәдениет және тілаларлық қауымдастықта (қазақ және әлем тілдері)». - Алматы, 2006. - С.3-24.
- 4 Репин Б. И. Национально-специфические слова-реалии как особая часть лексики в переводимом произведении. //Сб. Теоретические и практические вопросы преподавания иностр. яз. - М., 1970, с. 87-98.
- 5 Дж. Дальберг-Актон. Свобода в христианскую эпоху. Лекция, прочитанная 28 мая 1877 года перед членами Бриджнортского института (Bridgnorth Institution). Пер. Ю. Колкера. - Overseas Publications International Ltd, London, 1992.

Summary

The main problem presented in the article is related to the lingua-cultural aspects of translation due to religious concepts. According to the author's point of view, it is one of the most complicated problems of literary translation.